

Ованес Туманян

Лореци Сако

eMatenadaran.

Ованес Туманян Лореци Сако

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24430870

Лореци Сако:

ISBN 9781772468311

Аннотация

Туманян глубоко понимал ту истину, что в искусстве национальное и общечеловеческое тесно связаны между собой, и что только при изображении жизни, национального характера родного народа можно выразить такие мысли и идеалы, которые будут близки и понятны всем народам. Сам поэт говорил: “Чем ближе будет писатель к своему народу, чем больше углубится он в его фольклор, тем больше его величие, общечеловеческое значение его творчества”. Творческие принципы Туманяна наиболее полно представлены в поэмах и балладах. В поэме «Лореци Сако» изображена армянская патриархальная деревня со своими устоями, обычаями и социально-бытовыми противоречиями.

Содержание

I	4
II	6
III	7
IV	8
V	10
VI	11
VII	13

Ованес Туманян

Лореци Сако

I

В ущелье Лори, там, где сдвинуты скалы,
Где грозны и дики утесов оскалы,
Столпившись, уставя свой пристальный взор,
Упорно нахмурились выступы гор.
Внизу, у подножья, дик и безумен,
Стремясь через камни, неистов и шумен,
Из пасти низвергнувший пенистый след
Бушует и вьется мятежный Дэв-Бэт...
О берег скалистый он бьется и брызжет,
Потерянный берег цветущий свой ищет,
И слышен рев сквозь тишь:
Ваш-вишь... ваш-вишь...
Из темных пещер, из таинственных гор
Тысячегласый доносится хор, —
Безумное эхо свой дикий напев
Несет к берегам, где беснуется Дэв...
И грозный рокот слышен:
Ваш-вишь... ваш-вишь...
Ночами, когда лунный луч боязливый
В ущелье к волнам проникает игриво,

В глубокой и тайной ночной темноте
Миры оживают в сокрытом бытѣ...
И все воскресает в глубоких горах,
И дышат в ущельях угрозы и страх...
На крутом холме монастырь стоит,
На вершине той – крепость грозная,
Лишь совиный крик из теснин летит,
Стынет в ужасе ночь беззвездная...
Только крест немой средь ущелий гор
Устремил во тьму свой старинный взор.

II

Домик между скал спрятан глубоко.
Этой ночью в нем одинок Сако:
Двое было их, но другой – пастух,
Знать, попутал бес, – отлучился вдруг...
Ведь немало дел, дом-то далеко,
И ушел чабан. Одинок Сако.
И зачем ушел? Может, за мукой —
На собачий корм, овцам – соли взять...
О жене объят был пастух тоской,
Тещиной яичницы вздумал скушать зять,
Бросил баранту и ушел домой,
А амкал овец всех угнал с зарей...
Дремлют скалы, ночь темна...
И Сако без сна, —
Снял мокрые лапти с пастушьих ног,
Чулки повесил на свой камелек,
И, прикурнув, чуть прилег...
Размяк Сако, – одинок...

III

Ну что ж, если в хижине он и один, —
Способен ли трусить такой исполин?
Взгляни-ка на этот огромнейший стан!
Разлегся как будто в лесу дуб-титан;
А если он встанет и дрему стряхнет
И кованный посох-дубину возьмет,
Да кликнет и свистнет озлобленных псов,
А сам, как утес, дик и к бою готов, —
Тогда лишь увидя его, ты поймешь,
Зачем вор и зверь чуют робкую дрожь
И, исполнены жалкого страха,
От его убегают параха¹...
Товарищи, точно такие, как он,
Хранят еще с юности дружбы закон,
И каждую ночь, собираясь гурьбой,
Натащут дровишек, и теплой избой
Владеет волынка, сплетясь со свирелью, —
И песням нет края, конца нет веселью.

¹ Землянка, где пастух проводит зиму.

IV

Но холод и мрак этой ночью глубоки.
Товарищей нет, и Сако – одинок.
Безмолвно склонившись на край камелька,
Задумался он... Вдруг, – из разных сторон,
Откуда – куда, про былые века
Старой бабушки сказки возникли, как сон...
И невольно Сако вспоминать стал о них,
О духах, видениях, призраках злых, —
Как они, кривоногие, ночью встают,
Хороводы ведут, веселятся, поют...
И, как в образе ведьм и колдуний поток
К тем приходит в ночи, кто, как он одинок.
Как из мрака пещер для полночных затей
Возникают в горах тени темных чертей.
Если поздно идешь по ущелью меж гор,
Слышишь зов и знакомый обманчивый хор...
Как люди, они затевают пиры
Средь зурн и лихой барабанной игры...
И бабушки речи из призрачной дали
Пугливо, прозрачно в ночи зазвучали.
– Сако, скорей на пир иди,
На нашу свадьбу погляди!
Мы пляшем среди игр лихих
И дев – красавиц молодых...

Дам вкусных яств, иди, дружок!
Иди ко мне – дам пирожок!
Племянник мой! Мой сын! Мой брат!
Родной! Тебя я видеть рад!
Сако! Сако! Ты к нам иди!
На эту деву погляди!
Веселой пляски жизнь полна...
Тара-ни-на... Тара на-на...
И тени, уродливо-гадки и дики,
Толпой несуразной, – кошмарные лики, —
Надвинулись тяжко, стоят перед ним,
И темен их облик и неумолим...
Привиделись призраком страшным ему —
И двинулись медленно в черную тьму...

V

Кто прошел? Хищный волк? Быстроногий олень?
Иль коза камень сдвинула вниз со скалы?
Чья мелькнула в ночи мимо хижины тень?
Кто явился из гор среди таинственной мглы?
Может, лист от прохлады ночной задрожал,
Или робкий мышонок в углу прошуршал?
Иль овца проблеяла среди зги?
Вдруг Сако показалось: шаги...
Пришли... Тихо стали за дверью, – и вот
Он умолк, притаившись...
И, слушая, ждет...

VI

Кто в камине камушки сыпнул?
Кто сейчас в оконце заглянул?
Кто легко по крыше зашагал?
Кто сейчас за дверью задышал?
Эй, кто там? Ты зачем стоишь?
Откликнись! Отчего молчишь?

Все тихо там. Ответа нет...
Шум слышен сонной Дзорагэт...
Ага, я понял... Ты, Гэво?
Кого ж еще мне ждать, – кого,
Когда со мною здесь мой пес?
Боишься ты собаки? Да?
Гэво! Ни шороха в ответ.
Лишь в тишине шум Дзорагэт.
Кто же бодрствует в этих потемках ночных?
Спит земля... С нею ветер полночный затих,
Не спят лишь бессонные злые виденья,
Ущелья наполнив ночным оживленьем...
Затеяв свой дьявольский пир в темноте,
Рыщут-ищут, как тени, в ночной пустоте, —
И найдя одного, – вдруг ворвутся к нему —
С гиком, хохотом, рея в безмолвную тьму...

Уставясь в огонь, уstraшенный пастух

Едва переводит от ужаса дух...

И вот, простодушного жителя скал

Ужасных сомнений поток взволновал...

– Нет, это был ветер... Тень волка была...

То ночь не глаза, только звезды зажгла...

В окне, наверху, чьи-то взоры тревожат...

Он хочет взглянуть, но... не может...

Чуть дышит

И слышит:

– Он здесь ведь, да?

Ха-ха-ха-ха!

Он... вишь... вот... весь...

Так... тут... глянь... здесь...

Дом пастуха... ха-ха-ха-ха!

И вдруг, как шипы, поднялись волоса...

Взглянул на порог... задрожал... Ворвался —

Шум-шварк! Трах! И дверь распахнулась и вихрь

Влетел с хором фурий и нечистей злых!

Колдуньи и лешие в сумраке диком

Наполнили хижину хрипом и криком!

VII

Бескрайно, огромно ущелье в горах, высоко.
Кусочек луны за тучу укрылся украдкой...
И в страшную ночь, обезумев, Сако
В Лорийских ущельях бежит без оглядки.

И гонятся духи за ним вереницей, —
Распущены волосы, вопли и шум...
И жалят и хлещут, как змеи, как птицы,
Мешая Сако помутившийся ум...

А из пещер в веселье буйно-пьяном,
Звучат зурны с бубнящим барабаном,
Кричат, зовут: – Сако, поди!

Сако, скорей на пир иди,
На нашу свадьбу погляди!
Мы пляшем среди игр лихих

И дев – красавиц молодых...
Дам вкусных яств, иди, дружок!
Иди ко мне – дам пирожок!
Племянник мой! Мой сын! Мой брат!
Родной! Тебя я видеть рад!
Сако! Сако! Ты к нам иди!

На эту деву погляди!

Веселой пляски жизнь полна...

Тара-ни-на... Тара на-на...

И волны Дэв-Беда, вздуваясь, взлетая,
Свой шепот разносят, шумя, повторяя,
во мраке молву разнося далеко:

– Держите! Там скрылся безумный Сако.